

Экологополитический и экологосоциологический дискурсы*

А. И. УТКИН

(ИНСТИТУТ США И КАНАДЫ РАН),

В. Г. ФЕДОТОВА

(ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН),

Л. Н. ФЕДОТОВ

(РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, ФИЛИАЛ В Г. ПЕНЗА)**

Статья посвящена коренному экологическому перелому, который сегодня затрагивает все человечество. Он получил название в литературе «новая эра энергии и климата». Речь идет о нехватке ресурсов для бурного экономического роста.

Ключевые слова: дискурс, экология, политика, социальная сфера, климат, энергия, средний класс, потребление, развитие, риск.

Ecological-and-political and Ecological-and-sociological Discourses

A. I. UTKIN

(INSTITUTE OF THE USA AND CANADA OF THE RAS),

V. G. FEDOTOVA

(INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RAS),

L. N. FEDOTOV

(RUSSIAN STATE SOCIAL UNIVERSITY, BRANCH IN PENZA)

The article covers the crucial ecological turning-point which affects all humanity today. In the literature it has been called "a new era of energy and climate". The question is about the lack of resources for a rapid economic growth.

Keywords: discourse, ecology, politics, social sphere, climate, energy, middle class, consumption, development, risk.

1. НОВАЯ ЭПОХА

Изменение мирового порядка и мировой политики в связи с возрастанием проблемы ресурсов, энергии и изменения климата характеризуется сегодня как новая эпоха. Обсуждавшаяся прежде роль мировых ресурсов в изменении мирового порядка и мировой политики сегодня *изменяет свою*

направленность в связи с подключением к высокому экономическому росту и новым, в перспективе ориентированным на уровень Запада, стандартам потребления многих незападных стран, в частности стран БРИК — Бразилии, России, Индии, Китая, а также Индонезии, арабских стран. Доминирование проблем энергии и изменения климата затра-

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках исследовательского проекта «Экосоциология как новое направление анализа соотношения экологии и общества и его практические задачи (грант № 09-0600336а)

** Уткин Анатолий Иванович — доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, директор Центра международных исследований Института США и Канады РАН. Тел.: (495) 691-20-52. Эл. адрес: iskran@rambler.ru

Федотова Валентина Гавриловна — доктор философских наук, профессор, академик РАЕН, заведующая сектором социальной философии Института философии РАН. Тел.: (495) 697-98-93. Эл. адрес: valentina_fedotova@front.ru

Федотов Леонид Николаевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики и управления Российского государственного социального университета (филиал в г. Пенза). Тел.: (8412) 45-35-22. Эл. адрес: mgsu-penza@rambler.ru

гивает весь мир, все человечество. Чрезвычайно актуальной становится проблема выхода из тупика на уровне мировой политики.

Геополитика и ее измерение тесно связывались с нехваткой традиционных природных ресурсов. До недавнего времени основное внимание привлекали конфликты по поводу натурального сырья — нефти, газа, минералов, полезных ископаемых, пресной воды. Уже давно обсуждается проблема сокращения ресурсов — нефти, газа, меди, цинка, пресной воды. По оценкам специалистов, в том числе экспертов ООН, запасы нефти могут быть исчерпаны в течение 40–70 лет, медь может закончиться через 14 лет, цинк — через 8. Говорят, что если китайцы решат дать каждому гражданину своей страны по автомобилю (а сейчас они планируют произвести 10 млн автомобилей, 40 % которых пойдет на экспорт), то потребление нефти увеличится в мире на 40%. Индия также выдвинула амбициозный план создания 3 млн автомобилей, что непредвиденно увеличит расход нефти. Убывающим источником является питьевая вода. Не только Африка, но и Германия уже сейчас испытывает большую нехватку пресной воды. Таяние айсбергов сократило количество пресной воды в мире на 10%. Тяжелее всего обстоит дело с питьевой водой в африканских государствах южнее Сахары. Нехватку чистой воды испытывают 65 государств планеты. Наиболее трагично положение Китая и Индии. Из десяти самых полноводных рек мира есть уже такие, воды которых едва добегают до океана.

Эти проблемы, еще вчера казавшиеся катастрофическими, сегодня не являются самыми страшными. Так, бурение нефти на глубину до 200 м, сегодня возможное технически, дает шанс найти нетронутые месторождения. Это позволяет сохранить прежний геополитический подход к нефтедобывающим странам и странам — потребителям нефти. Появились надежды на замещение других убывающих материалов искусственными. В отношении воды строятся проекты опреснения океанской воды.

Однако возникли новые проблемы, прежде всего — энергии и изменения климата, которые рождают новый экологополитический и экологосоциологический дискурсы и меняют перспективы формирования нового мирового порядка. *На сегодняшней фазе своей эволюции произошло усложнение проблемы в связи с активной потребностью в ресурсах новых стран индустриального развития в Азии, Латинской Америке и посткоммунистическом мире. Это поднимает проблему убывания ресурсов до уровня угрозы человечеству.* Речь идет уже не только об убывании ресурсов и конкуренции в сфере обеспечения ресурсами, которые усилились активной устремленностью не только западных, но и незападных стран к экономическому процветанию. Некоторые исследователи (Friedman, 2008) говорят о начале новой эры — «эры энергии и климата». Фридман предлагает ввести в мировоззрение и поведение людей новый «зеленый код», который заставил бы взглянуть на все человеческие проекты с учетом не только защиты природы с позиций «зеленого» движения, но и обозначить этим именем те необходимые изменения в человеческом поведении и мотивациях, которые остановят общечеловеческие угрозы новой эры в нехватке энергии и в изменении климата. «Зеленый код» — это все то, что позволит сберечь природу посредством изменения общества и человека.

Угрозы и вызовы человечеству в целом требуют глобальных решений, которые не исчерпываются необходимостью опреснения соленой воды, использования всех видов энергии, переходом к машинам, работающим не на бензине, а на электроэнергии, переходом к неживотным видам мяса, уменьшением производства оружия и усилением защиты окружающей среды и здоровья (Glenn, Gordon, Florescu, 2008: 2). Указанные в скобках авторы в подготовленном ими докладе ООН выделяют пятнадцать глобальных вызовов: необходимость устойчивого развития, направленного на недопущение изменения климата; потребность в бесконфликтном обеспечении каждого чистой водой; нужда

в балансе роста населения и обеспечения его необходимыми ресурсами; задача поддержания преобладания демократии над авторитарными режимами; необходимость увеличения чувствительности тех, кто принимает политические решения, к глобальным долгосрочным перспективам; задача глобальной конвергенции информации и коммуникационных технологий, обеспечивающих каждого; этические аспекты рыночной экономики, помогающие уменьшить различия между богатыми и бедными; необходимость уменьшения новых и заново появившихся заболеваний и опасных микроорганизмов; нахождение возможности для принятия лучших решений ввиду изменения природы труда и институтов; опора на ценности и новые стратегии безопасности, уменьшающие этнические конфликты, терроризм и оружие массового уничтожения; нужда в изменении положения женщин и улучшении условий существования людей; подавление транснациональной криминальной сети для создания более успешного и разумного глобального предпринимательства; потребность в наиболее безопасном и эффективном обеспечении требуемого объема энергии; задача поставить науку и технологии на службу улучшения условий существования человека; потребность укоренить этические соображения в глобальные решения (Glenn, Gordon, Florescu, 2008: 12–42).

Выделяя экологополитический и социологополитический дискурсы, мы пытаемся расчленивать весь этот гигантский объем проблем по сферам ответственности ученых и общественности в разных областях познания и практики.

2. ЭКОЛОГОПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Связь экологии и политики сегодня обнаруживается совершенно очевидным образом. Термин «дискурс», который здесь применен, отвечает своему определению: широкое обсуждение проблемы не только учеными, но и общественностью, ее важность для каждого человека и человечества,

дискурс как форма коммуникации, обеспечивающая коллективную рефлексию (Ефременко, 2006: 12).

Д. В. Ефременко выделил четыре типа экологополитического дискурса: алармистский (1960-е — середина 1980-х годов); мегадискурс устойчивого развития; исследование климата и международная климатическая политика; модель глобального политического управления. Он показывает, что с начала 1960-х годов экологические проблемы (заметим, поначалу казавшиеся даже надуманными) принимают остроту, выходя за пределы защиты природы и охватывая взаимодействие социальных и природных систем. Экологическая проблематика становится областью политической деятельности — экологической политики, отражающей на разных этапах основные угрозы. Нарастание этих угроз, по его мнению, ведет к формированию новой научной дисциплины — экологополитологии, становящейся все более признанной и институционализирующейся не только через организацию исследовательских коллективов, но и посредством превращения в университетскую дисциплину, которая преподается в ряде университетов мира.

Однако степень вовлеченности экологических проблем «в большую политику» при обсуждении «пределов роста», породившем алармистский пафос, или при выдвигании концепции устойчивого развития, оказавшейся на деле эвфемизмом, который не допускал «пролиферации» развития с Запада на западные страны, тревоги по поводу возможных климатических изменений и необходимости глобальных экологических решений, была небольшой. Сегодня же возникающие проблемы экологии относятся не только и не столько к экологической политике, сколько входят в сферу геополитики, международных отношений.

Невосполнимость ресурсов Земли, их нехватка для всех стран и народов мира привели к разработке экологополитического дискурса, который позволил бы обсудить проблемы мировой политики в связи с ростом

проблем ресурсов, нехватки энергии и изменения климата, *вызванных нынешним подключением к высокому экономическому росту незападных стран*, наступлением «новой эры энергии и климата» (Friedman, 2008: 27). Речь идет о проблемах энергии, которая сегодня становится очень острой. Уже сейчас вид с самолета показывает разительный контраст между освещенной и неосвещенной частями Земли. Африка выглядит черной в ночное время, Сибирь прорезается светом отдельных участков, но мало освещена. Запад, европейские страны, европейская часть России, некоторые части Китая светятся в темноте.

Новая эра порождает и новые дискурсы, связанные с теми изменениями, которые произошли. Среди них — соперничество незападного мира с западным по поводу ресурсов и возможностей развития, образование новых союзов и блоков, возможная борьба за ресурсы и среди союзников, стремление к новому мировому порядку.

Американское разведывательное сообщество, представляя к выборам нового президента Барака Обамы прогнозы на будущее и анализ текущей ситуации, предложило четыре последовательно сменяющих друг друга сценария.

Первый из них «Мир без Запада» (Global Trend 2025: A Transformed World. National Intelligence Council, 2008: 37–39) характеризует подъем новых индустриальных стран (БРИК или союз азиатских стран), которые выступают решительным конкурентом всем западным институтам (типа НАТО), основанным на союзе Северной Америки и Западной Европы. Оканчивается пятисотлетнее господство Запада, миру предлагается новый лидер (там же. См. также: Уткин, 2008). Аналитики в Вашингтоне прибегают к следующему «полухудожественному» приему: выдуманной выдержке из письма главы ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) Генеральному секретарю НАТО, датированного 15 июня 2015 г. В письме признается, что 15–20 лет назад поставить знак равенства между Организацией Североатлантического

договора и Шанхайской организацией сотрудничества было немыслимо. А в наступившие дни ШОС даже несколько более важная организация, чем НАТО.

Однако именно проблема нарастания экологических проблем обрывает это развитие. В глобальном сценарии II «Октябрьские сюрпризы» описывается, что период перехода к новому типу развития придется на следующие 15–20 лет» (Global Trend 2025: A Transformed World. National Intelligence Council, 2008: 57). В данном сценарии сообщается об изменении климата. Оно сопровождается уменьшением объемов питьевой воды, сокращением доступной населению пищи. Это вызывает кризис глобального масштаба. Этот сценарий реализуется при предпосылках, что нации имеют менталитет «экономический рост любой ценой», что ведет к игнорированию проблем безопасности окружающей среды и деградации. Правительства теряют свою легитимность ввиду своих неэффективных методов борьбы с экологическими катастрофами. Несмотря на значительный технологический прогресс, не найдено средств борьбы с негативным эффектом изменения климата. Сугубо национальные решения экологических проблем краткосрочны и неадекватны. Сценарий представляет воображаемую выдержку из дневника американского президента от 1 октября 2020 г.: «Очередная сессия Генеральной Ассамблеи ООН совпала с невиданным наводнением на Манхэттене. Я думаю, что проблема заключается в том, что мы не верили в то, что подобное может случиться. Ученые полагали, что эффект изменения климата будет ощутим только в конце века, а он показал свою силу вчерашней ночью. Должен сказать, что нам советовали рассредоточить источники энергии... Трагическим образом мы фактически игнорировали эти предупреждения. К сожалению, мы думали прежде всего об экономическом росте. Но волна залила Уолл-стрит, нарушая работу Фондовой биржи Нью-Йорка. Проблема в глобализации. Мы слишком увлеклись взаимным ростом и забыли о своем воздействии

на планету... Мы обсуждали все эти проблемы на сессии организации G-14 и стали приходить к общему мнению. Но сочетание природных несчастий, необходимых восстановительных работ, таяния вечной мерзлоты, низких сельскохозяйственных урожаев, растущих проблем со здоровьем населения и тому подобного создает ужасную повестку дня, худшую, чем мы предполагали видеть 20 лет назад» (Global Trend 2025: A Transformed World. National Intelligence Council, 2008: 58–59).

В результате этого возникает глобальный сценарий III «БРИК подорван». Вместо прежнего сценария объединения БРИК ради многополярного мира и конкуренции его с Западом, возникающего при этом сближения Индии и Китая начинается их внутренняя борьба за ресурсы. «Борьба за ресурсы по мере приближения к 2025 году становится причиной ухудшения международных отношений. Чувство зависимости погружает в конфликт по мере уменьшения числа стран — источников сырья. В мире возникает все больше барьеров на пути торговли, и это тоже грозит международными конфликтами» (Global Trend 2025: A Transformed World. National Intelligence Council, 2008: 76). Длительный период роста начинает ослабевать по мере уменьшения потока экспортной энергии. Растут националистические чувства по мере соперничества по поводу ресурсов и энергии. Создается система баланса сил, напоминающая мир до 1914 г.

В итоге возникает глобальный сценарий IV «Политика не всегда имеет локальный характер». В нем говорится: «Растущая общественная обеспокоенность относительно экологической деградации неспособного объединить данную нацию правительства придает силу созданным политическими активистами сетям, которые начинают бороться за контроль над решением главных вопросов в национальных столицах. Технология глобальных коммуникаций, делающая бессмысленными национальные границы, позволяет даже отдельным индивидуумам непосредственно возглавить группы заинтересо-

ванных лиц. Защита окружающей среды становится проблемой, в решении которой объединяются самые разные интересы» (Global Trend 2025: A Transformed World. National Intelligence Council, 2008: 89).

Данный прогноз является типичным примером современного эколого-политического дискурса, который ставит вопрос о практической политике, направленной на предотвращение подобных сценариев. Но подобная политика не может полагаться на имеющуюся ситуацию без ценностного переосмысления многих вопросов в социологополитическом дискурсе.

3. ЭКОЛОГОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Одной из проблем эколого-социологического дискурса становится проблема среднего класса, на который недавно мы все молились, как на символ веры.

Действительно, главным социальным результатом быстрого развития и экономического роста во многих странах нового капитализма в Индии, в России, в Латинской Америке, в Азии, а также в странах хозяйственной демократии, сохранивших социалистические политические установки, — в Китае и Вьетнаме стало возникновение среднего класса. Еще в 2001 г., когда нынешние тенденции еще не проявились в полной мере, Л. А. Беляева выдвинула очень важный тезис о том, что средний класс выступает как «социальный феномен современных обществ» (Беляева, 2001: 129) и также, добавим, тех обществ, которые пытаются стать современными, т. е. модернизированными или модернизирующимися обществами. Сегодня после завершения первой и второй современности стартует третья, характеризующаяся тем, что наступило новое Новое время для незападных стран, которые либо разовьют сценарий незападной современности, либо рано или поздно пойдут по стопам Запада, становящегося в результате этой трансформации незападных стран одним из регионов новой современности (Федотова, Колпаков, Федотова, 2008: 536–557).

Хотя размер и характеристики среднего класса в различных странах отличаются друг от друга, средний класс любой страны представлялся опорой демократии, источником доходов государства, социальной стабильности, ибо этому классу есть что терять, и он заинтересован в статус-кво.

В многолетнем исследовании среднего класса журналом «Эксперт» он характеризовался как социальный слой, обладающий энергией, волей, дисциплиной. Он и был таким. Но в условиях новых капитализмов и хозяйственных демократий средний класс быстро превращался в класс-потребитель, который хотел бы все новых и новых благ, недоступных ему прежде, равнялся бы как в России, так и в других странах мира на американский потребительский стандарт. Средний класс Китая, Индии и других стран быстрого экономического роста сделался опасным своими потребительскими интенциями, которые и создали чрезвычайную нагрузку на природу и в перспективе все более очевидную неспособность убывающих ресурсов Земли удовлетворить потребности растущего мирового среднего класса, слагаемого из средних классов национальных государств. Перенапряжение природы и стало причиной экологических катастроф и климатических изменений, описанных в вышеприведенных сценариях.

Концепция устойчивого развития, призывавшая к разумным и соотнесенным с задачами экологии темпам развития, на деле оказалась, как мы уже отметили, эвфемизмом неразвития для незападных стран, который они больше не приемлют, стремлением сохранить привилегированные условия для развития Запада. Как отмечает Т. Фридман, потребовать устойчивого развития — значит предложить незападным странам оставаться бедными, как и прежде (Friedman, 2008: 55). Хотя эти страны были раньше бедными, окружающая среда деградировала от сверхпроизводства и сверхэксплуатации ресурсов развитыми странами, в том числе и от их хозяйственной активности в бедных странах как в период колониализма, так и после него.

Фридман говорит, что «надо переопределить жизненные стили среднего класса» (Friedman, 2008: 55). Самое трудное — ответить на вопрос, как это сделать. Литература полна предложениями перейти к разумному потреблению и изменить человека. Но как сделать это?

Общества потребления на Западе возникли в 50-е годы XX в. Благодаря этому переходу капитализмом была решена задача, куда деть часть работающих на производстве людей, чья квалификация перестала представлять интерес в связи с высоким уровнем развития техники. Общество потребления предоставило этим людям возможность делать для производства своим интересом к потреблению больше, чем они могли бы, будучи работниками самого производства. Сегодня не просто ответить на вопрос, была ли в этом процессе сознательная проектная функция, ориентирующая на создание общества потребления, или оно возникло вследствие саморазвития капитализма. В любом случае, сегодняшние процессы должны быть направлены социально-конструктивно или повернуть естественно-исторически в связи с множеством экологических проблем к отказу от общества потребления. Одна из альтернатив намечается в полемике Ж. Бодрийяра с Д. К. Гэлбрейтом. По мнению Бодрийяра, общества потребления закрепляют неравенства (Бодрийяр, 2006: 76–84). Сегодня афроамериканка из Бронкса может купить шубу, как у кинодивы, но от этого они не становятся равными или имеющим равные возможности. Бодрийяр не приемлет термина Гэлбрейта об обществе изобилия, имеющем эгалитарные функции. По мнению Бодрийяра, идеалисты благосостояния, в частности Гэлбрейт, считают бедность остаточной, преодолеваемой по мере роста экономики. Но Гэлбрейт был крупным деятелем технотехнологий, связанных с организованным капитализмом, где преодоление остаточной бедности как второстепенного следствия экономического роста могло осуществляться и во многом осуществлялось политикой государства, соци-

ал-демократическими мерами. Сегодня этого не возникнет естественно-исторически вследствие самоорганизации капитализма, как бы ни велики были риски, и, скорее всего, может лечь в основу нового проекта. Главными его чертами могли бы стать отказ от признания экономического роста в качестве главного показателя прогресса, невозможность делать экономический рост единственным критерием прогресса. Решение социальных проблем, сохранность природы, здоровье населения, воспитание детей, состояние молодежи, образование, благосостояние могли бы стать в этом проекте факторами, не уступающими экономическому росту.

Другой человек мог явиться следствием реализации социальной технологии в этом направлении. Другие механизмы связаны с социальными движениями, ориентированными на утверждение этических или религиозных ценностей. Духовные революции были одной из движущих сил социальных изменений, трудовой этики, этического кода и религиозного благочестия в истории капитализма. Реконвенциализация ценностей, разрушенных кризисом, также характеризует механизм становления новых ценностей (Федотова, Колпаков, Федотова, 2008: 228–234; 261–274).

Фридман считает, что народам стоит ориентироваться на более традиционные стандарты потребления, не подражать американскому стандарту. Но и американцам следует уменьшить потребление, изменить его стиль. Возможно, какие-то образцы потребления в условиях экономического роста могут стать примерами. Так, Япония не перешла к консюмеристскому обществу, сохраняет традиционное отношение к потреблению.

Однако прогнозы сегодня преждевременны, ибо сами события, описываемые в экологополитических и экологосоциологических

дискурсах, еще не сформировались и являются во многом результатами неблагоприятных прогнозов. Однако социальная теория и социальная практика не имеют сегодня задач более важных, чем познание и деятельность в области экологополитологии и экологосоциологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляева, А. (2001) Социальная стратификация и средний класс в России. М.: Academia.
- Бодрийяр, Ж. (2006) Общество потребления. М.: Республика; Культурная революция.
- Ефременко, Д. В. (2006) Эколого-политические дискурсы. М.: ИНИОН РАН.
- Уткин, А. И. (2002) Мировой порядок XX века. М.: ЭКСМО.
- Уткин, А. И. (2006) Новый мировой порядок. М.: ЭКСМО.
- Уткин, А. И. (2008) Подъем и падение Запада. М.: АСТ.
- Уткин, А. И., Федотова, В. Г. (2009) Будущее глазами Национального совета по разведке США: глобальные тенденции до 2025 года. Изменившийся мир. М.: Институт экономических стратегий; Международная академия исследования будущего.
- Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2009) Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М.: Культурная революция.
- Friedman, T. L. (2008) Hot, Flat and Crowded. Why We Need a Green Revolution and How It Can Renew America. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux.
- Glenn, J. G., Gordon, Th. J., Florescu, E. (2008) State of the Future. The Millennium Project. World Federation of UN Associations. Washington.
- Global Trend 2025: A Transformed World. National Intelligence Council (2008). Washington.